

A painting depicting a woman in a brown shawl and dress, holding a young child and a stack of books. The scene is set in a lush green field with a rainbow in the sky and a small town in the distance. The woman's eyes are closed, and she has a serene expression. The child is nestled against her, and the books are held in her lap. The background features rolling green hills, a few cows, and a small town with a church spire under a dark, stormy sky with a vibrant rainbow. The overall mood is peaceful and contemplative.

Прекрасный Иосиф
СТИХИ

Иосиф Прекрасный

СТИХИ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25557219

ISBN 9785448542077

Аннотация

В книгу вошли произведения, написанные автором в 2012—2017 годы. Все тексты публикуются впервые. Всего в книге 35 стихотворений.

Содержание

Это написал я	5
I	6
«О Боже правый, не лишай меня...»	6
Так	7
«Дорогу, ветер, сад и солнце...»	9
«Я шёл один в пустыне каменистой...»	10
«Сухой цветок нам попадает в руки...»	12
«Ветер стал видим в осеннем просторе, и...»	13
«И память, столь бессмысленная прежде...»	15
«Но то, что избранно и верно...»	16
II	17
Химическая песня	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Стихи

Иосиф Прекрасный

Иллюстратор John Everett Millais

© Иосиф Прекрасный, 2017

© John Everett Millais, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-4207-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Это написал я

Когда товарищ прокурор,
Если таковой имеется,
Намекнёт насчёт грозящего мне срока,
Я с видом красноармейца,
Достающего агитку с речью Ленина,
Извлеку из кармана мятый листок —
Вот, мол, моя индульгенция,
Больше мне ничего не надо,
Это всё, что я написал.
И товарищ прокурор, посмотрев на меня
Взглядом настоящего ленинца,
Скажет:
«Ну что же, даже
Иные из гениев писали гаже.
Замечу, однако,
Что никакие два знака
Не различаются на письме».
И во время оглашения приговора,
Моего приговора,
Его лицо —
Прекрасное лицо товарища прокурора —
Ничуть не изменится.

I

«О Боже правый, не лишай меня...»

О Боже правый, не лишай меня
Желания, истраченного зря,
Ни летней тьмы, ни солнца января,
Ни роскоши безоблачного дня.

О Боже правый, у тебя в руке
Есть имя вечера, его я знаю сам —
Как сын земли, продлённый к небесам,
Как пепел, расцветающий в реке.

Мой друг, ты будешь мной, пообещай,
Пусть звери леса к нам с тобой придут
И принесут хрустальную звезду
Для нашего волшебного плаща.

Так

Так в поцелуе пропадает слово,
Так погибает видимость любви
В объятии, которое готово,
Ломая кости, выдохнуть: живи,
Страшись, беги и возвращайся снова;
Так истина уходит между строк —
Два лёгких шага до последней двери;
Так замолкает неспособный верить,
Сам от себя отрекшийся пророк;
Так светоч мира разрезает масло
Июльской ночи, ибо под окно
Приходит время и стоит безгласно;
Так звонко замыкается звено,
Так размыкают маленькие руки
Чужие дети на большом холме,
Так гаснет день, так замолкают звуки,
Так новый день рождается во тьме;
Так музыка из той безмолвной бездны
Проходит путь и льётся через край;
Так тезис умирает антитезой,
Так беспричинно существует рай.

Так ты вернёшься, прошагав по лужам,
Ты – это я, сказавший сам себе:
Возрадуйся! ты никому не нужен,

Ты только и заметил, что судьбе
Самой себя избегнуть невозможно,
Что пить огонь – весьма неосторожно,
Что истина скитается под кожей
С царапиной на высохшей губе.

«Дорогу, ветер, сад и солнце...»

Дорогу, ветер, сад и солнце
Шутя, рисует божество.
И ничего не остаётся,
Не остаётся ничего.

Ты сам всего лишь, как ни странно —
Его рисунок на песке,
Лишь строчка из его романа,
Забытого на чердаке.

Он бросил на седьмой главе,
Поскольку наступает лето —
Он мальчик, он играет где-то
И ловит бабочек в траве.

«Я шёл один в пустыне каменистой...»

Я шёл один в пустыне каменистой,
Под звёздами сверкающими. Тьма
Меня не поглотила; только мысли
Росли из неусыпного ума.

Я шёл один среди остывших скал.
Я пить хотел, но влаги не искал,
Боясь в своем увидеть отраженьи
Не мысли прихотливое движенье,
Не радость сна, не горечь поражения,
А истины зияющий оскал.

В ночи я шёл, из ночи я бежал,
Бежал от вещи, что во тьме кричала,
Бежал от сил, которым нет начала,
От совершённых мной великих дел,
И от того, что совершить хотел,
От мыслей, прорастающих на дне,
От истины, пылающей во мне.

И вот я сел на камень, чтобы всё же
Ответить на вопросы, наконец.
Я в муках вопрошал себя: «О Боже,
За что мне этот горестный венец?»
Я вопрошал: «Где истина и путь?»

Достигнет ли страдающий покоя?
Возможно ли ушедшее вернуть?
И в чём ответ? И что же я такое?»
...И, не дождавшись утреннего света,
Усталый, не услышавший ответа,
Я снова встал и продолжал дорогу.
Я – знание о том, что на пути
Удастся мне и истину, и Бога,
И дом, и самого себя найти.

«Сухой цветок нам попадает в руки...»

Сухой цветок нам попадает в руки
И рассыпается; сады сжигает солнце;
Пески пустыни поглощают звуки,
Проходит всё, но что-то остается.

Не то, что застывает, холодея,
Там, на границе моря и песка,
Где Минотавр живет внутри Тесея,
Где увяданье спит в стебле цветка;

Не то, что разбивает или делит,
Не то, что чертит ось координат,
Не то, что разрушает ради цели,
Не то, что вопрошает, как Пилат.

Пал Лабиринт. К вернувшимся обратно
То, мимо пепла, выйдет, наконец,
Что в этот раз, назвавшись Ариадной,
Сплело клубок и возвело дворец.

«Ветер стал видим в осеннем просторе, и...»

Ветер стал видим в осеннем просторе, и
Время остановилось, как в сосуде вода.
Так опять заканчивается история,
Не начинавшаяся никогда.

Зачарованный путник слушает меццо
Под скрип перемалывающего Вселенную колеса,
Писатель напивается и вспоминает детство,
Потому что надо же о чём-то писать.

Сосчитав небеса, и круги, и луны,
Но не любивши ни холодно, ни горячо,
Усталый Данте уходит, сплюнув
Через какое-нибудь плечо.

И дивная мелодия играет рядом,
Нарушая законы и превращаясь в песню,
И любовь бывает – в скобках, за кадром,
Между строк, с другими, не в этой пьесе.

Но эта история – не о видах величий,
Не об истине, открывшейся Иоанну,
Не о том, что Беатриче остаётся желанной,

Пока не станет твоей Беатриче,

А о том, что через несколько
десятков вальсов

Нельзя будет вспомнить,

не приложивши сил,

Кого ты слушал и над чем смеялся,

О чём я писал и кого любил.

«И память, столь бессмысленная прежде...»

И память, столь бессмысленная прежде,
Проснётся и потопит корабли —
И я, смеясь, взгляну в лицо надежде
И растворюсь в безбрежности земли —

Как ласточка над дальней колокольней,
Как дивный свет сегодняшнего дня,
Как ночь любви, забытая неволью,
Как музыка, предавшая меня.

«Но то, что избранно и верно...»

Но то, что избранно и верно,
Из камня вырастет травой,
Взойдёт над пропастью и скверной
Обломком истины живой.

Её одну не обезличат
Ни сотни вёрст, ни сотни дней;
Ей улыбнётся Беатриче
И от меня уйдёт за ней.

II

Химическая песня

Здравствуйте, я фтор,
можно просто флюорин,
Я царь неметаллов, я такой один,
Я почти что постиг смысл бытия,
Я несу надежду и свет народам,
И в этой задаче по условию я
Реагирую с водородом.

Так иди же, водород, иди же ко мне,
Мы сольёмся воедино и сгорим в огне —
Я сам не знаю, что это значит,
Но таково условие этой задачи.

Но этот хитрый газ,
этот треклятый водород
В этот раз почему-то никуда не идёт,
Он боится реагировать, боится огня,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.